

РУССКАЯ КЛАССИКА

А. П.
ЧЕХОВ
Избранное

А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах.

Сочинения. Том 1. //Наука, Москва, 1983

FB2: Людмила Трофимова <trofla@mail.ru >, 2005-08-15, version 1.0

UUID: 4B50A79F-E3F0-45C0-8412-E6945E06A855

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Антон Павлович Чехов

Ярмарка

Ярмарка

Маленький, еле видимый городишко. Называется городом, но на город столько же похож, сколько плохая деревня на город. Если вы хромой человек и ходите на костылях, то вы обойдете его кругом, взад и вперед, в десять — пятнадцать минут и того менее. Домики всё плохенькие, ветхие. Любой дом купите за пятиалтынный с рассрочкой по третям. Жителей его можно по пальцам пересчитать: голова, надзиратель, батюшка, учитель, дьякон, человек, ходящий на каланче, дьячок, два-три обывателя, два жандарма — и больше, кажется, никого... Женского пола много, но ведь женский пол статистами в большинстве случаев во внимание не принимается. (Статисты знают, что курица — не птица, кобыла — не лошадь, офицерская жена — не барыня...) Приезжих ужасно много: помещики-соседи, дачники, поручики временно прохлаждающейся здесь батареи, волосастый дьякон из соседнего села в лиловой рясе, с бегемотовой октавой, et cetera. Погода — так себе. То и дело дождь, что наводит на купую-

щих и куплю деющих некоторое уныние. Воздух великолепен. Московские запахи отсутствуют. Пахнет лесом, ландышами, дегтем и как будто бы чуточку хлебом. Из всех закоулочков, щелочек и уголков веет меркантильным духом. Что ни шаг — то балаган. Два ряда балаганов тянутся по главной улице от начала до конца и загромаждают собой всю площадь, в которую вливается главная улица. В церковной ограде продают бабы семена. Яблоку негде упасть. Обозов, лошадей, коров, телят, поросят ужас сколько! Мужиков мало, но баб... баб!! Всё наполнено бабами. Все они в красных платьях и черных плисовых кофтах. Их так много, и стоят они так тесно, что по головам их может смело проскакать на пожар «сбор всех частей».

Пьяных — увы! — почему-то мало. В воздухе стоит непрерывный гам, писк, визг, скрип, блянье, мычанье. Шум такой, как будто строится вторая вавилонская башня.

Все окна обывательские настезь. Сквозь них виднеются самовары, чайники с отбитыми носиками и обывательские физии с красными носами. Под окнами торчат знакомые с

покупками и жалуются на погоду. Дьякон в лиловой рясе, с соломой в волосах, пожимает всем руки и возглашает во всеуслышание: «Ммое почтение! С праздником честь имею! А... кгм!!?»

Мужеский пол группируется около лошадей и коров. Тут торговля производится на десятки и даже на сотни рублей. Главные воротилы по лошадиной части, разумеется, цыгане. Божатся, клянутся и желают себе всяких напастей во все лопатки. Проданная лошадь передается при помощи полы, из чего явствует, что бесполоый человек лошадей ни продавать, ни покупать не может. Лошади всё больше чернорабочие, плебеи.

Женский пол кружится вокруг красного товара и балаганов с пряниками. Неумолимое время наложило печать на эти пряники. Они покрыты сладкой ржавчиной и плесенью. Покупайте эти пряники, но держите их, пожалуйста, подальше ото рта, не то быть беде! То же можно сказать и о сушеных грушах, о карамели. Несчастные баранки покрыты рогожей, покрыты также и пылью. Бабам всё ни-почем. Брюхо не зеркало.

Мухи не могут облепить так меда, как мальчишки облепили балаган с игрушками. Денег у них — ни-ни... Они стоят и только пожирают глазами лошадок, солдатиков и оловянные пистолетики. Видит око, да зуб неймет. Иной смельчак возьмет в руки пищик, подержит его, повертит, попищит, положит на место — и, довольный, вытрет нос. Нет того балагана, около которого не торчало бы десятка два-три мальчишек. Стоят и глядят часа по два, по три, поистине с адским терпением. Купите вы какому-нибудь Федюшке, Петре, Васютке пистолетик или льва с коровьей мордой и черными полосами на спине — и вы наполните его сердце безграничайшею радостью.

Из-за локтей мальчиков выглядывают девочки. Внимание их приковано теми же лошадками и куклами в марлевых юбочках. Детей вы увидите около мороженщиков, которые продают «сахарное» и очень плохое мороженое. У кого есть копейка, тот ест из зеленой рюмочки, ест долго, с чувством, толком, расстановкою, боясь не уловить минуты блаженства, чавкая, облизываясь, облизывая паль-

цы. Один ест, а десятка два не имущих копеечки стоят «руки по швам» и с завистью заглядывают в рот счастливчика. А тот ест — и ломается...

— Пётра, дай... ложечку! — стонет девочка, следя за правой рукой счастливчика.

— Отстань! — говорит счастливчик и крепче сжимает в кулаке зеленую рюмочку.

— Пётра! — стонет мальчик в большом отцовском картузе. — Одолжи!

— Чего?

— Сахарного морожена. Немножко. (Пауза.) Дашь? Ты ложечку. Я тебе пять бабок дам.

— Отстань! — говорит счастливчик.

Счастливчик съедает свою порцию, долго облизывает губы и долго-долго живет воспоминаниями о сахарном мороженом.

Эх, кабы деньги!! Где вы, пятаки и пятиалтынные? Нет ничего хуже, томительнее и мучительнее, как ходить в отцовском картузе по ярмарке, видеть и слышать, осязать и обонять и в то же время не иметь за душой ни копейки. Сколь же счастлив тот Федюшка или Егорка, который может съесть на копейку мороженого, выстрелить во всеуслышание

из пистолетика и купить за пятак лошадку! Маленькое счастье, еле видимое, а и того нет!

Зубоскалов, пьяных и шатающихся по ярмарке без дела тянет к балаганам с артистами. Театров два. Воздвигнуты они среди площади, стоят рядом и глядят серо. Состряпаны они из дрючьев, плохих, мокрых, склизких досок и лохмотьев. На крышах латка на латке, шов на шве. Бедность страшная. На перекладах и досках, изображающих наружную террасу, стоит человека два-три паяцев и потешают стоящую внизу публику. Публика самая невзыскательная. Хохоchet не потому, что смешно, а потому, что, глядя на паяца, хохотать надлежит. Паяцы подмигивают, корчат рожи, ломают комедь, но... увы! Прародители всех наших пушкинских и не пушкинских сцен давно уже отжили свой век и давным-давно уже сослужили свою службу. Во время оно головы их были носителями едкой сатиры и заморских истин, теперь же остроумие их приводит в недоумение, а бедность таланта соперничает с бедностью балаганной обстановки. Вы слушаете, и вам становится тошно. Не странствующие артисты перед ва-

ми, а голодные двуногие волки. Голодуха загнала их к музе, а не что-либо другое... Есть страшно хочется! Голодные, оборванные, истаскавшиеся, с болезненными, тощими физиономиями, они корчатся на террасе, стараются скорчить идиотскую рожу, чтобы зазвать в свой балаган лишнего зубоскала, получить лишней гривенник... Получается не идиотская рожа, а пошлая: смесь апатии с деланной, привычной, ничего не выражающей гримасой. Подмигивание глазом, пощечины, удары друг друга по спине, фамильярные заговаривания с толпой, заговаривания свысока... и больше ничего. Слов их не слушайте. Артисты по принуждению говорят не по вдохновению и не по заранее обдуманной, цель имеющей, программе. Речь их не имеет смысла. Произносится она с кривляньем, а потому, вероятно, и вознаграждается смехом.

— Стой ровно!

— Я не Марья Петровна, а Иван Федосеев.

Это образец их остроумия. «Шуты и дети говорят иногда правду», но надо полагать, и шутом нужно быть по призванию, чтобы не всегда говорить чепуху, а иногда и правду...

А публика почтенная глазеет и заливаается. Ей простительно, впрочем: лучшего не видала, да и позубоскалить хочется. К плохим пряникам, свободному времени, легкому «подшофе» недостает только смеха. Дайте толчок, и произойдет смех.

Балаганов числом два. В обоих каждые четверть часа даются блистательные представления. По вечерам даются особенные представления, выходящие из ряда вон. Я опишу одно из этих представлений.

Самое блистательное представление было дано перед отъездом артистов из города, в первое воскресенье после ярмарочного дня. За сутки до спектакля клоуны разносили по городу афиши (писанные). Принесли афишу и мне. Вот она, эта афиша:

«В Городе NN.

С дозволением начальства на N...ской площади там будет большое Приставление имнастическое и акрабатическое Приставление Трубой Артистов Подуправление Н. Г. Б. состоящи из имнастических и акрабатических Искуств Куплетов таблиц и понтомин в двух оделениях.

1-е. Разные удивительные и увеселительные фокусы из белой Магии или Проворства и ловкость рук исполнено будет до 20 Предметов Клоуном уробрертом.

2-е. Прыжки и скачки сортале морталей воздух исполнет Клоун Доберт и малолетные Андрияс ивансон.

3-е. Английский человек бескостей или Каучук Мин у которава все члены гибки подобны резинки.

4-е. Камический куплет ивансон Тороха исполнит малолетний. (Далее в том же роде.)

9 часов вечера цена Местам

1 место — 50 к.

2 место — 40 к.

3 место — 30 к.

4 место — 20 к.

Галдарея — 10 к.»

Я укоротил афишу, но ничего не прибавил.

На описываемом спектакле присутствовала вся местная знать (становой с семьей, мировой с семьей, доктор, учитель — всего 17 человек). Интеллигенция поторговалась и заплатила за первые места только по четвертаку. Билеты продает сам хозяин, личность до-

вольно типичная. Хозяин — тип во вкусе Грачевки и Дюковки. Мы заплатили, вошли и заняли первые места. Публика ломит, балаган полнехонек. Внутренность балагана самая нероскошная. Вместо занавеси, служащей в то же время и кулисой, ситцевая тряпочка в квадратный сажень. Вместо люстры четыре свечи. Артисты благосклонно исполняют должность артистов, и капельдинеров, и полицейских. На все руки мастера. Лучшее всего оркестр, который заседает направо на лавочке. Музыкантов четыре. Один пилит на скрипке, другой на гармонии, третий на виолончели (с 3 контрабасовыми струнами), четвертый на бубнах. Играют всё больше «Стрелочка», играют машинально, фальшивя на чем свет стоит. Игрок на бубнах восхитителен. Он бьет рукой, локтем, коленом и чуть ли не пяткой. Бьет, по-видимому, с наслаждением, с чувством, занимаясь собой. Рука его ходит по бубну как-то неестественно ловко, вытанцовывая пальцами такие нотки, какие не взять в толк и скрипачу. Кажется, что его рука движется вокруг продольной и поперечной оси.

Перед началом спектакля входит чуйка, крестится и садится на первое место. К нему подходит клоун.

— Извольте сесть в галерею, — просит клоун. — Здесь первые места.

— Отстань!

— И чиво вы уселись, как медведь какой-нибудь? Уходите! Это не ваше место!

Чуйка неумолима. Она надвигает на глаза фуражку и не хочет уступить своего места.

Начинаются фокусы. Клоун просит у публики шляпы. Публика отказывается.

— Ну, так и фокусов не будет! — говорит клоун. — Господа, нет ли у кого-нибудь пятака?

Чуйка предлагает свой пятак. Клоун проделывает фокус и, возвращая пятак, скрадывает его себе в рукав. Чуйка пугается.

— Да ты того... Постой! Фокусов ты, брат, не представляй! Ты пятак давай!

— Не желает ли кто-нибудь побриться, господа? — возглашает клоун.

Из толпы выходят два мальчика. Их покрывают грязным одеялом и измазывают их физиономии одному сажей, другому клейсте-

ром. Не церемонятся с публикой!

— Да разве это публика? — кричит хозяйка. — Это окаянные!

После фокусов — акробатия с неизвестными «сарталями-морталями» и девицей-геркулесом, поднимающей на косах чёртову пропасть пудов. На середине спектакля происходит крушение одной стены балагана, а в конце — крушение всего балагана.

В общем впечатление неказистое. Купующие и куплю деющие немного потеряли бы, если бы не было на ярмарке балагана. Странствующий артист перестал быть артистом. Ныне он шарлатанит.

Возле балаганов с артистами — качели. За пятак вас раз пять поднимут выше всех домов и раз пять опустят. С барышнями делается дурно, а девки вкушают блаженство. *Suum cuique!* 1

Note1

Каждому свое! (лат.).

[^^^]